

Э.Г. Куликова, О.М. Акай, З.К. Тедеева

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС: ПРЕДЕЛЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА РЕЦЕНЗИЙ)*

Проанализирована категория толерантности в научном дискурсе. Установлено, что доминирующей формой современной научной коммуникации является толерантная форма выражения критических замечаний и имплицитное выражение негативной оценки. Ставится и решается вопрос о пределах толерантности в научной дискуссии. В качестве материала привлечены тексты лингвиста академика А.А. Зализняка. Сделан вывод о том, что научная рецензия, будучи формой мониторинга современного состояния науки, не должна быть «всеобъемлюще толерантной».

Ключевые слова: топос, этико-речевые нормы, толерантность, аргументы, рецензия, научный дискурс.

E.G. Kulikova, O.M. Akay, Z.K. Tedeeva

SCIENTIFIC DISCOURSE: TOLERANCE LIMITS (BASED ON THE
MATERIAL OF THE GENRE OF REVIEWS)

The article is devoted to the analysis of the tolerance category in scientific discourse. The tolerant form of expressing critical comments and the implicit expression of negative evaluation is dominant in modern scientific communication. The status of the tolerance category is determined by the specifics of its content, as well as by the formed systemic intercategory relations. The authors investigate problem about tolerance limits in scientific discussion. The texts by the linguist academician A.A. Zaliznyak are used as the material. Scientific review, being a form of monitoring the current state of science, should not be "extremely tolerant".

Keywords: topoi, ethical and speech standards, tolerance, arguments, review, scientific discourse.

Статус категории толерантности определяется спецификой ее содержания, а также уже сформированными системными межкатегориальными отношениями. Установлена оппозиция «толерантность / интолерантность», определена градуальность как облигаторный категориальный признак, выявлен набор языковых/речевых средств ее реализации. Это позволяет рассматривать толерантность как собственно коммуникативную категорию с определенным набором топосов, объясняет ее регулятивный

характер, аксиологическую обусловленность. Таким образом, толерантность обладает всеми признаками коммуникативных категорий, в том числе прескрипционными (как предписывающими, так и запретительными, а также интерпретирующими, которые определяют или регулируют коммуникативное поведение, включая адекватную оценку процесса общения) [15]. Категория толерантности рассматривается как гармонизирующая, что полностью подтверждается типизированными вербальными

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

Куликова Элла Германовна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Сфера научных интересов: коммуникативные стратегии и тактики, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, юридическая лингвистика, лакунология, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация. Автор около 300 опубликованных научных работ.

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Акай Оксана Михайловна

доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, доцент кафедры английского языка в сфере журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: коммуникативные стратегии и тактики, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, юридическая лингвистика, лакунология, лингвопрагматика. Автор более 150 опубликованных научных работ.

E-mail: oksanaakay@gmail.com

Тедеева Заира Константиновна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Сфера научных интересов: русский язык, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, межкультурная коммуникация. Автор 100 опубликованных научных работ.

E-mail: tedeeva.zaira@mail.ru

и невербальными средствами ее реализации. Эти средства являются разноуровневыми и функционируют в прямых и косвенных конструкциях, направленных на обеспечение речевой поддержки, а следовательно, облигаторно связаны со снижением категоричности высказываний (например, выбор высказываний с обратным смыслом – возражения по содержанию, но согласие по форме).

Толерантность представляет собой категорию, реализующуюся определенным набором вербальных/невербальных единиц, которые отправитель речи, как правило, интенционально использует в коммуникации.

Как известно, русский научный стиль в его современном облике сформировался к началу XX века. Возможность говорить о научном дискурсе (мы исходим из классического понимания термина, метафорически переданного Н.Д. Арутюновой: «текст, погруженный в жизнь») определяются тем, что параметры научного текста всегда были детерминированы особенностями развития и функционирования литературного языка в целом, а также комплексом экстралингвистических факторов.

С одной стороны, научный текст, имеющий дело с объективными фактами, должен быть внеэмоционален и сугубо рациона-

Научный дискурс: пределы толерантности (на материале жанра рецензий)

листичен. С другой стороны, еще Ш. Балли [1, с. 154] указывал на относительную объективность научного языка, поскольку эмотивные индивидуальные, а следовательно субъективные оттенки семантики регулярно присутствуют в выражении чистой мысли, а также считал, что «скрытая эмоциональность» и «логизированная оценочность» представляют собой константные характеристики научного стиля [7, с. 77]. Подтверждение таких свойств может быть представлено и в имитации научного стиля в пространстве художественного текста (см. например, повесть А.П. Чехова «Черный монах», в которой описываются статьи одного из персонажей). «Оставшись один, Коврин лег поудобнее и принялся за статьи. У одной было такое заглавие: «О промежуточной культуре», у другой: «Несколько слов по поводу заметки г. Z о перештыковке почвы под новый сад», у третьей: «Еще об окулировке спящим глазом» – и все в таком роде. Но какой непокойный, неровный тон, какой нервный, почти болезненный задор! Вот статья, кажется, с самым мирным заглавием и безразличным содержанием: говорится в ней о русской антоновской яблоне. Но начинает ее Егор Семеныч с «*audiatur altera pars*» и кончает – «*sapienti sat*», а между этими изречениями целый фонтан разных ядовитых слов по адресу «ученого невежества наших патентованных гг. садоводов, наблюдающих природу с высоты своих кафедр», или г. Гоше, «успех которого создан профанами и дилетантами», и тут же нехвата натянутое и неискреннее сожаление, что мужиков, ворующих фрукты и ломающих при этом деревья, уже нельзя драть розгами. «Дело красивое, милое, здоровое, но и тут страсти и война, – подумал Коврин. – Должно быть, везде и на всех поприщах идейные люди нервны и отличаются повышенной чувствительностью. Вероятно, это так нужно»».

То есть, эмоциональное отношение к предмету обсуждения (а значит, возможность «перехлестов» и конфликтности) заложена в научном дискурсе изначально, а потому крайне важно, чтобы противоречия обсуждались и разрешались в цивилизованных формах.

Научный дискурс неизбежно отражает социокультурную динамику. Так, например, лингвистическая статья в первой трети XX в. имела заглавие «Против буржуазной контрабанды в языкознании». Ее содержание отражало точку зрения Ф.П. Филина о концепции Т.П. Ломтева: «Под флагом марксистской фразеологии Ломтев протаскивает социал-фашистскую контрабанду, совершенно не считаясь с тем, что доклад он делает в стенах Коммунистической академии» [см.: 4, с. 12]. В научных лингвистических журналах можно было встретить такие характеристики представителей других школ: «черносотенный лингвист-идеалист», «истощные вопли эпигона субъективно-идеалистической школы», иная точка зрения получала такие определения, как «хулиганско-наглые выступления», а талантливый лингвист Е.Д. Поливанов был назван «кулацким волком в шкуре советского профессора». Один из самых известных учебников по введению в языкознание, созданный А.А. Реформатским, подвергался упрекам в «полном раболепии перед буржуазной наукой». Лингвистика того времени была в высшей степени политизирована, так что даже традиционные термины лингвистики трансформировались под влиянием пропагандистских клише: ср. у Н.Я. Марра яркий пейоратив – «буржуазная расистская индоевропеистика». После трех сталинских статей о языкознании во всех лингвистических трудах стали использоваться ритуализированные клише, исполненные самой безудержной лести («в свете гениальных трудов товарища Сталина о языке...» и др.).

Язык и культура

Язык тоталитарного общества – это язык пропаганды, другие функции языка в нем редуцированы. Пропаганда, насаждавшаяся так долго, влияла и в постсталинский период (ср. обязательные ссылки на труды Маркса, Энгельса, Ленина и др., которые абсолютно не были вызваны необходимостью, не были продиктованы содержанием научного текста). Цель пропаганды всегда оставалась прагматически ориентированной и заключалась в создании своеобразного мифа о советской власти, который должен был практически заменить собой реальность, осознаваться как некая объективная данность, при этом система власти должна была осознаваться как объект, не допускающий даже мысли о какой-либо критике. В 1960–1970-х годах ярко проявились тенденции «языковедческого соцреализма» с его идеологически обусловленными оценками [8, с. 8].

В современном научном дискурсе, как и во всей гуманитарной сфере, базовым понятием становится толерантность. Доминирующей формой современной научной коммуникации является толерантная форма выражения критических замечаний («формулировка тезиса вызывает сомнения», «трудно согласиться с утверждением», «вряд ли оправданно» и др.), то есть имплицитное выражение негативной оценки – наиболее яркое проявление толерантности в научном дискурсе (ср.: мысль о том, что толерантность научной речи – это категория, которая регулярно взаимодействует в тексте с оценочностью, а также категоричностью/некатегоричностью различных формулировок [9]).

То есть в научной коммуникации информативность как категория представлена в нескольких разновидностях. По традиции коммуниканты в рамках научного дискурса обладают равным статусом, что должно обеспечивать способность крити-

чески оценивать не только другие концепции, но и собственную, особого осуждения заслуживает искажение истины [6, с. 276]. То есть научная коммуникация строится с учетом реализации всех аспектов, определяемых категорией информативности: изложение теории, ее аргументация, анализ степени ее аргументированности, определение проблемных зон, их обсуждение и др. Соотношение этих видов информативности детерминировано видом научного дискурса, а также жанрово-стилистическими особенностями создаваемого текста. При этом рецензия как текст в современных научных изданиях представлена в меньшей степени, чем ранее, и вообще в современных научных текстах, с их ориентацией на тотальную толерантность, настоящей полемики не хватает [см.: 2, с. 131–144].

Многие авторы обратили внимание на кризис в гуманитарных науках, который проявляется в имитационности и даже обесмысливании научного текста [10, 11 и др.], что в первую очередь коснулось таких видов научного текста, как диссертация и ее автореферат. Именно там наблюдается тенденция к наращению текста за счет злоупотребления топосом «определение», а фрагменты, касающиеся «истории вопроса», кочуют из одной работы в другую. Однако банальность содержания камуфлируется (ср. пример «научного спама» из статьи Г.Г. Хазагерова: «*Волга впадает в Каспийское море* – обычное, не комплексное изучение ситуации. *Волга впадает в Каспийское море на протяжении многих лет, Волга впадает в Каспийское море и сегодня* – комплексный, диахронический и синхронический подход к ситуации» [11]). Однако такого рода работы не просто проходят защиту, но с вполне хорошим результатом, а к делу оказываются причастны многочисленные руководители, рецензенты и оппоненты, проявляющие высшую степень

Научный дискурс: пределы толерантности (на материале жанра рецензий)

толерантности, которую можно точнее обозначить как конформизм.

По сути, конформизм есть некритическое, пассивное принятие текста, претендующего на научную новизну. Рецензент-конформист полностью утрачивает собственные принципиальные позиции и подчиняется обстоятельствам. Можно говорить о наличии так называемого амбивалентного мышления у авторов, об «эклектизме и нечувствительности к логическим противоречиям», а это можно рассматривать как одну из проблем экологической лингвистики [см.: 3, 14]. Рутинизация практики рецензирования в современной научной индустрии приводит к тому, что роль рецензии сводится к регистрации текущей научной продукции. Рецензия утрачивает свою сущностную роль, перестает быть инструментом критики и формирования научной событийности.

Во многих сферах поставлен вопрос о пределах толерантного отношения (например, к девиантному поведению). В сфере науки этот вопрос также актуален. Тезис «Всякое мнение имеет право на существование», формально опирающийся на принципы толерантности, нельзя подменить на тезис «Всякое мнение одинаково ценно».

Как отмечает А.А. Зализняк, «в качестве исходного здесь берется положение, с которым естественно согласиться: “Всякое мнение имеет право на существование”. А далее делается незаметный, но в действительности капитальный, переход к гораздо более сильному тезису: “Всякое мнение не менее ценно, чем любое другое”. При таком постулате оказывается несущественным, изучил ли автор то, что необходимо знать для обоснованного суждения о предмете, и предъявил ли он веские аргументы в пользу своего мнения или просто он очень уверен в остроте своего ума и своей интуиции» [5]. Такой «сдвиг» типичен

для дилетантов или представителей «любительской лингвистики», как толерантно и политкорректно именовал лженауку А.А. Зализняк.

Однако толерантно относиться к выводам «любительской лингвистики» абсурдно, ибо придется принять дикие утверждения. А.А. Зализняк с иронией пишет об абсурдной толерантности: «Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке. Это поветрие – уже не чисто российское, оно ощущается и во всем западном мире. Но в России оно заметно усилено ситуацией постсоветского идеологического вакуума» [там же]. Ряд публикаций А.А. Зализняка направлен на то, чтобы читатель мог опознать «любительскую лингвистику». Если большинство представителей научного сообщества просто игнорируют лженауку, то А.А. Зализняк посвятил несколько специальных книг и статей разоблачению постулатов «любительской лингвистики», потому что это отнюдь не безобидное явление (неподготовленный читатель может оказаться в плену примитивных выдумок, которые касаются родного языка и родной истории).

Характеристики современной коммуникации (развитие интернета и нечеткость определения понятия «свобода печати и слова») преопределили своеобразную революцию дилетантизма. Любительский подход к анализу различных языковых явлений, определению особенностей функционирования языка как системы весьма распространен, поскольку у носителей языка существует представление, что каждый из них априори способен дать адекватные оценки, даже не обладая какими-либо специальными знаниями.

А.А. Зализняк берется за анализ «Любительской лингвистики» потому, что

Язык и культура

иные формы развенчания непродуктивны. Для современного телевидения характерно создание различного рода медиаконтента, который имитирует речевой жанр диспута, при этом в качестве противоположных сторон выступают, как правило, профессионалы и дилетанты, хотя можно предположить, что авторы подразумевают поиск некоей истины, но результатом такого поиска становится практическая пропаганда дилетантизма как способа осмысления действительности. Ведь для публики во многом оказывается существенным не столько параметр аргументированности, сколько параметр прагмалингвистический, а часто и собственно манипулятивный. При этом эффективная манипуляция может осуществляться за счет сознательной опоры на вкусы аудитории (по крайней мере, в студии), на уверенность коммуниканта, что может восприниматься как убедительность. В этом случае в более выгодной позиции часто оказывается именно дилетант. Это обстоятельство в свое время прекрасно передал В. Шукшин в рассказе «Срезал!»

А.А. Зализняк объясняет природу «любительской лингвистики»: «Попробуйте вообразить *любительскую книгу о небесных светилах* (здесь и далее в цитате курсив наш – Э.К.), где обсуждался бы вопрос, какого размера Луна – с тарелку или с монету. Между тем *любительские* сочинения о языке совершенно такого же уровня циркулируют в немалом количестве и охотно читаются и принимаются всерьез довольно широкой аудиторией. Особенно печальным показателем состояния нашего образования является то, что и в числе авторов *любительских* сочинений о языке, и в числе их читателей и поклонников мы встречаем вполне образованных людей и даже носителей высоких ученых степеней (разумеется, других наук)».

Излюбленный объект любительской лингвистики – этимология уровня «слово Москва происходит из МОСС (англ. 'мох') + КВА, т. е. 'лягушка во мху'» [5], имена собственные и русоцентрические изыскания, из которых следует, что все языки произошли от русского (причем, в его сегодняшнем состоянии). А.А. Зализняк обратил внимание на то, что подобные мифы создаются как своеобразный ответ этносов, считающих, что их права тем или иным образом ущемляются, а социальная и культурная значимость не осознается окружающими в достаточной степени, в этом случае созданный и транслируемый миф воспринимается в качестве ценностной основы для этнической идентичности. И зачем же российским авторам демонстрировать проявление таких комплексов?

Отдавая дань толерантности и политкорректности, А.А. Зализняк заявляет, что предпочитает «не называть конкретные имена лингвистов-любителей – тем более, что многие из них только того и хотят, чтобы их упоминали, хотя бы и в осуждение, чтобы выглядеть серьезными оппонентами, с которыми спорят». Таким образом, автор считает необходимым «противостоять не конкретным авторам, а целому любительскому направлению, в сущности, довольно однообразному в своих декларациях и в своем способе действия» [5].

Тем не менее, А.Т. Фоменко, одного из самых одиозных представителей «любительской лингвистики», который в то же время является доктором физико-математических наук, академик в пример приводит. «Фоменковское "новое учение" никогда бы не привлекло к себе столько внимания, если бы его автор не был именитым математиком <...> А.Т. Фоменко попал в компанию невежественных и грубо тенденциозных графоманов, осчастлививая их тем, что в их сообществе имеется теперь и академик Рос-

сийской Академии наук» [5]. Далее автор вполне справедливо отмечает, что «эти рассуждения содержат точно те же грубейшие и наивнейшие ошибки, что у любителей без степеней и званий». Это дает возможность определить концепцию А.Т. Фоменко как относящуюся к любительской лингвистике. Разоблачая ее, А.А. Зализняк далек от политкорректности, он называет вещи своими именами, последовательно, интенционально избирает экспрессивные лексические единицы, использует прием их концентрации в пределах одной конструкции, что позволяет актуализировать семантику негативной оценочности и передать искреннее недоумение автора по поводу аргументации излагаемой А.Т. Фоменко квазиновой концепции о формировании разных языков (от латыни до французского, английского и др.): «не только повторяет свой абсурд про изобретение латыни (на сей раз это событие происходит аж в XVII веке), но и с поистине молодецким размахом относит к числу изобретенных тогда же еще и французский, немецкий, испанский и английский языки». А.А. Зализняк пишет: «В статье “Лингвистика по А.Т. Фоменко” я в подробностях показал, каким невыносимым, нечеловеческим всеведением должен был бы обладать изобретатель латыни, если бы латынь была “изобретена”».

Важно, что выявляются классы типовых приемов «полемики по Фоменко», все они ориентированы не столько на прагматический эффект, сколько на манипулятивный: избираются различного рода косвенные коммуникативные ходы и формируемые ими тактики (подмена самого предмета дискуссии, аргументов, имитация пафоса возмущения, а также обобщающая тактика ухода от прямых ответов, регулярное использование тезисов «оппонент либо преднамеренно обманывает, либо не понял»; «некомпетентным не стоило бы высказываться о нашей теории»). А.А. За-

лизняк приходит к выводу: «В целом принципы полемики производят тягостное впечатление. Истинные великие открытия не защищают с помощью уловок, мелких подтасовок и ухода от ответа на возражения».

Анализ текста А.А. Зализняка позволяет утверждать, что излюбленным приемом автора является ирония: «факты очень часто не укладываются в предлагаемую схему. Тогда Фоменко действует по принципу “тем хуже для фактов”, а именно позволяет себе все большее и большее количество степеней свободы, пока его процедура не становится практически безотказной. Методика Фоменко – бесценная находка для всех желающих произвести революцию в какой-нибудь, которую не жалко, науке»; «не шутят, когда говорят, например, что Ирландия и Россия – это в прошлом одно и то же. Они сообщают об этом на стальном языке логики» [5].

Характеристики типа «чудовищная галиматья», «бульварное чтение», «невежественная чушь», «невежественные и грубо тенденциозные графоманы», «младенческое понимание», «нелепые исторические фантазии русоцентрической направленности» и убийственные сравнения (уровень «новых хронологов» в этом занятии ровно такой же, «как у шестилетнего мальчика, которому предложили бы поползти по карте мира и отыскать на ней как можно больше названий, хоть сколько-нибудь похожих на какие-нибудь из известных ему слов») [5], конечно, далеки от толерантности, однако они оправданны, так как необходимы для формирования в общественном сознании точных представлений о сущности «любительской лингвистики».

Конечно, процветание науки определяется толерантным отношением к чужим мнениям, иным вкусам и предпочтениям, доминантные для толерантности принципы неконфликтного коммуникативного поведения (уважение точки зрения друго-

го, солидарность и др.) могут выступать в качестве своеобразного морального императива при предупреждении / урегулировании конфликтной ситуации. Однако проявления толерантности, к которым относятся снижение категоричности, косвенная критика и др., хороши до известных

пределов, потому что в условиях принципиального столкновения мнений толерантность оборачивается конформизмом. Научная рецензия, будучи формой мониторинга современного состояния науки, не может ориентироваться на тотальную толерантность.

Литература

1. *Балли Ш.* Французская стилистика / пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1964. 415 с.
2. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 1. С. 131–148.
3. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Рецензия на «Риторический манифест» Г.Г. Хазагерова (Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ритор. шк. 2020. 45 с.) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 1. С. 185–193.
4. *Горбаневский М.* Конспект по корифею. Какой вклад внесли в науку сталинские статьи о языкознании // Литературная газета. 1988. № 21.
5. *Зализняк А.А.* Из заметок о любительской лингвистике / Элементы большой науки. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitelskoj_lingvistike (дата обращения: 05.06.2021).
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 90 с.
7. *Колесникова Н.И.* Теоретические и методические проблемы развития научной речи студентов и аспирантов // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. К 80-летию проф. М.Н. Кожинной. Материалы Международной конференции. Пермь: Изд-во Пермского государственного ун-та, 2005. С. 76–80.
8. *Ларина Ю.Е.* Прагматика термина как семиотическое свойство (на материале русской лингвистической терминологии): дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2007. 165 с.
9. *Соловьева Н.В.* Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.: дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2007. 244 с.
10. *Тумайкин И.В.* Риски имитационности в российской науке // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра: ежегодный сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного экономического ун-та (РИНХ), 2016. С. 140–150.
11. *Хазагеров Г.Г.* Обесмысливание научного дискурса как системное явление // Социологические науки. 2010. № 2. С. 5–20.
12. *Хазагеров Г.Г.* Контрпродуктивные компетенции // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 129–134.
13. *Хазагеров Г.Г.* Культура речи как ценность и речевая культура как данность. Экологический подход // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2019. № 30. С. 76–84.
14. *Хазагеров Г.Г.* Риторический манифест. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской риторической школы, 2020. 45 с.
15. *Шаповалова Т.А.* Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: автореф. ... канд. фил. наук. Саратов, 2013. 23 с.

References

1. Balli Sh. (1909) *Traité de stylistique française*. Paris, Librairie C. Klincksieck. 360 p. (in French).
2. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. (2019) Imitatsionnost', informativnost' i fatika v zhanrakh gumanitarnogo nauchnogo diskursa [Imitation, informativeness and phatics in the genres of humanitarian scientific discourse]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 131–148 (in Russian).
3. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. (2021) Retsenziya na "Ritoricheskij manifest" G.G. Khazagerova (Rostov n/D.: Izd-vo Rost. ritor. shk. 2020. 45 s.) [Review of the "Rhetorical Manifesto" by G.G. Khazagerova (Rostov n / D. : Publishing house of Rostov rhetorician school 2020.45 p.)]. *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 8, no. 1, pp. 185–193 (in Russian).
4. Gorbanevskij M. (1988) Konspekt po korifeyu. Kakoj vklad vnesli v nauku stalinskie stat'i o yazykoznanii [Synopsis of the luminary. What contribution did Stalin's articles about linguistics make to science]. *Literaturnaya gazeta*, no. 21 (in Russian).
5. Zaliznyak A.A. (2009) Iz zametok o lyubitel'skoj lingvistike [From Notes on Amateur Linguistics]. *Elementy bol'shoj nauki*. Available at: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitelskoj_lingvistike (date of the application: 05.06.2021) (in Russian).
6. Karasik V.I. (2004) *Yazykovoij krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publishing. 90 p. (in Russian).
7. Kolesnikova N.I. (2005) Teoreticheskie i metodicheskie problemy razvitiya nauchnoj rechi studentov i aspirantov [Theoretical and methodological problems of the development of scientific speech of students and graduate students]. *Problemy funkcionirovaniya yazyka v raznykh sferakh rechevoj kommunikatsii. K 80-letiyu prof. M.N. Kozhinoj. Materialy Mezhdunarodnoj konferentsii* [Problems of the functioning of language in different spheres of speech communication. To the 80th anniversary of prof. M.N. Kozhina: Proceedings of the International Conference]. Perm, Perm State University Publishing, pp. 76–80 (in Russian).
8. Larina Yu.E. (2007) *Pragmatika termina kak semioticheskoe svojstvo (na materiale russkoj lingvisticheskoy terminologii): dis. ... kand. fil. nauk* [Pragmatics of the term as a semiotic property (based on Russian linguistic terminology). Extended abstract of PhD of philological sciences thesis]. Krasnodar. 165 p. (in Russian).
9. Solov'eva N.V. (2007) *Tolerantnost' v nauchnoj diskussii: lingvostilisticheskij aspekt: na materiale tekstov nauchnykh diskussij 1950 – 2000-kh gg.: dis. ... kand. fil. nauk* [Tolerance in scientific discussion: the linguistic and stylistic Aspect: based on the texts of scientific discussions in the 1950s – 2000s. Extended abstract of PhD of philological sciences thesis]. Perm. 244 p. (in Russian).
10. Tumajkin I.V. (2016) Riski imitatsionnosti v rossijskoj nauke [Risks of imitation in Russian science]. *Filosofskie problemy: vchera, segodnya, zavtra: ezhegodnyj sbornik nauchnykh statej* [Philosophical problems: yesterday, today, tomorrow: an annual collection of scientific articles]. Rostov on Don, Rostov State University of Economics Publishing, pp. 140–150 (in Russian).
11. Khazagerov G.G. (2010) Obessmyslivanie nauchnogo diskursa kak sistemnoe yavlenie [Senselessness of scientific discourse as a systemic phenomenon]. *Sotsiologicheskie nauki*, no. 2, pp. 5–20 (in Russian).
12. Khazagerov G.G. (2013) Kontrproduktivnye kompetentsii [Counterproductive competences]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 1, pp. 129–134 (in Russian).
13. Khazagerov G.G. (2019) Kul'tura rechi kak tsennost' i rechevaya kul'tura kak dannost'. Ekologicheskij podkhod [Culture of speech as a value and speech culture as a given. Ecological approach]. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova*, no. 30, pp. 76–84 (in Russian).
14. Khazagerov G.G. (2020) *Ritoricheskij manifest* [Rhetorical manifesto]. Rostov on Don, Rostov Rhetoric School Publishing. 45 p. (in Russian).
15. Shapovalova T.A. (2013) *Kommunikativnaya kategoriya tolerantnosti i ee realizatsiya v sovremennom politicheskom diskurse: avtoref. ... kand. fil. nauk* [The communicative category of tolerance and its implementation in modern political discourse. Extended abstract of PhD of philological sciences thesis]. Saratov. 23 p. (in Russian).